

Покинув Двор Чэньсян, Ци Чжу направился прямо в дом маркиза Сянькуня.

Дом маркиза располагался в самой тихой части столицы, окружённый бамбуковой рощей и небольшим прудом. Внутри дома были беседки, павильоны, искусно украшенные резьбой, сады и водные павильоны — всё было сделано с невероятной роскошью.

Ци Чжу шёл по веранде, помахивая веером. Проходящая мимо служанка в жёлтом платье, увидев его, поспешила поклониться и сразу же побежала сообщить на кухню, что старший господин вернулся, чтобы приготовить ужин.

Ци Чжу остановил её и спросил:

— Отец здесь?

Служанка слегка замялась и ответила:

— Старший господин, маркиз... после ужина сразу же отправился в покои наложницы Молянь.

— А, тогда ладно, — Ци Чжу равнодушно улыбнулся. — Скажи на кухне, чтобы приготовили меньше еды, а вместо этого приготовили что-нибудь вроде пирожных с османтусом. У меня вдруг разыгрался аппетит.

— Конечно, конечно, пирожные с османтусом есть. Старший господин, идите отдыхать, я сразу же принесу. — Служанка случайно заметила, что нефритовая корона Ци Чжу слегка сдвинулась, и на её милом лице появилось недоумение. — Старший господин, почему ваша корона сбилась? Сегодня утром Сихэ вам причёсывала?

Ци Чжу слегка улыбнулся:

— Просто немного пошалил с девушками в Дворе Чэньсян. Скоро пойду мыться, ничего страшного.

Служанка, хоть и была молода и редко выходила из дома, слышала, что Двор Чэньсян — это такое место. Её лицо покраснело, и она, смущённо поклонившись, побежала на кухню.

Ци Чжу вернулся в свои покои, поел пирожных вместо ужина и велел служанкам приготовить горячую воду для купания.

За шестистворчатой резной ширмой из сандалового дерева поднимался пар из круглой деревянной ванны. Ци Чжу снял корону, положил веер в сторону, снял одежду и погрузился в горячую воду, расслабленно положив мускулистые руки на край ванны и выдохнув пар.

Он молча смотрел в потолок, в его голове всплывали образы мёртвой Чэнь Жуюэ из Двора Чэньсян и того человека в роскошном платье.

Ци Чжу задумчиво подумал, что слухи о первом мастере боевых искусств императорского двора, главе Павильона Ряски Сяо Яньюэ, действительно правдивы. Он действительно обладал невероятной красотой и, судя по всему, любил носить женскую одежду.

А что касается погибшей Чэнь Жуюэ... Неужели она была одной из тех остатков секты Юаньян, которые практиковали запрещённую двойную культивацию, и которых император пытался уничтожить последние два года?

Пока Ци Чжу размышлял об этом, в комнату вбежал человек, опрокинув маленький столик за

ширмой.

Это была старшая служанка Ци Чжу, Сихэ. Она упала на колени за ширмой, рыдая:

— Старший господин! С маркизом... случилось несчастье!

Ци Чжу слегка нахмурился. Он встал, накинул одежду, вышел из-за ширмы и, глядя на Сихэ, которая стояла на коленях, бледная и дрожащая, спросил:

— Что случилось? Отец же был в покоях наложницы?

Сихэ рыдала:

— Старший господин... Служанка из покоев наложницы Молян услышала крики из комнаты, зашла и увидела, что маркиз лежит на кровати голый, не двигается, лицо почернело, а изо рта идёт пена... Мы сразу вызвали домашнего врача, но он сказал, что это внезапная смерть, и его уже не спасти!

Ци Чжу нахмурился, велел слугам взять фонари и повёл их в покои наложницы. Там уже царил полный хаос, повсюду слышались крики и плач. Служанки объявили о прибытии старшего господина, и плач постепенно стих.

Ци Чжу теперь не обращал внимания на то, уместно ли ему находиться в покоях наложницы. Войдя, он увидел наложницу Молян, которая едва успела накинуть платье, сидящую у стены с подругой и рыдающую так, что казалось, она вот-вот потеряет сознание.

Тело Ци Сюэжу, маркиза, лежало на кровати, его лицо было черно, черты застыли, глаза пустые, а тучное тело было накрыто вышитым одеялом. Очевидно, он умер уже некоторое время назад.

Врач стоял рядом, поклонился Ци Чжу и, покачав головой, сказал:

— Старший господин, примите мои соболезнования. Маркиз ушёл... Это произошло мгновенно, он, вероятно, не страдал.

Маркиз умер, и титул теперь переходил к Ци Чжу.

Все в комнате видели, как Ци Чжу смотрел на тело своего отца, и в его глазах, казалось, блестели слёзы. Он резко закрыл глаза, его бледные губы дрожали, и он хрипло произнёс:

— Управляющий Линь.

Пожилой управляющий, которому было за шестьдесят, поклонился Ци Чжу и, дрожа, сказал:

— Я здесь.

— Приготовьте траурные одежды для всех в доме, зажгите свечи, в моей комнате поставьте благовония и подготовьте бумагу и кисть. Я лично напишу письмо императору. — Ци Чжу хрипло продолжил. — Отец ушёл внезапно, с завтрашнего дня я буду молиться за него в храме предков десять дней, питаюсь только постной пищей. Я сам позабочусь о похоронах отца, но вам придётся многое взять на себя.

Управляющий Линь поклонился и ушёл. Ци Чжу вернулся в свою комнату, снова помылся, зажёл благовония и надел траурные одежды. Он сел за письменный стол, разложил бумагу и

начал писать.

Старшая служанка Сихэ, которая уже плакала, налила ему чай и хотела остаться, чтобы помочь ему растереть тушь.

— Сихэ, иди, — мягко сказал Ци Чжу. — Отец ушёл, в эти дни мне никто не нужен, я сам всё сделаю.

Сихэ, всхлипывая, ответила:

— Хорошо.

Когда Сихэ вышла и её шаги затихли, Ци Чжу бросил кисть, лёг на диван и достал оставшиеся пирожные с османтусом, которые лежали на маленьком столике. Он съел их, вытер рот, быстро написал несколько строк на бумаге, сложил письмо и запечатал его.

Его отец умер от внезапной смерти, и император, вероятно, скоро узнает об этом. В конце концов, могущественная Стража Врат Цянь занималась именно сбором информации о чиновниках и военных.

Отправив письмо, Ци Чжу приказал закрыть дом маркиза для посетителей на десять дней, чтобы он мог в спокойствии молиться за отца в храме предков.

Каждый день, ещё до рассвета, он надевал траурные одежды, тайком клал в карман несколько эротических романов и отправлялся в храм в юго-восточном углу усадьбы. Когда слуги уходили, он доставал книги из рукава, раскладывал их на полу и с удовольствием читал.

К вечеру, после дня постной пищи, Ци Чжу, когда людей становилось меньше, выходил через заднюю дверь храма, перелезал через стену усадьбы и отправлялся на оживлённую улицу. Там он давал немного денег нищим или работающим детям, прося их купить для него пару гусиных ножек в уличной лавке. Съев их, он возвращался обратно, чтобы продолжить молиться.

Через десять дней, прочитав уже целую стопку книг, Ци Чжу, наконец, поддался на уговоры слуг и, с трудом сдерживая скорбь по поводу смерти отца, вышел из храма, чтобы заняться делами семьи.

За десять дней, прошедших с момента смерти маркиза, не только император и чиновники двора узнали об этом. Видимо, кто-то из слуг дома оказался болтлив, и история о том, что маркиз умер от внезапной смерти во время утех с наложницей, разошлась по всей столице, став темой для разговоров за чаем.

Император, чтобы выразить сочувствие, отправил в дом маркиза соболезнования и письмо, написанное собственноручно, а также поручил чиновникам императорского двора помочь с организацией похорон.

После того как основные приготовления к похоронам были завершены, император лично вызвал наследника маркиза Сянькуня на аудиенцию, чтобы объявить о передаче титула Ци Чжу.

В день, когда Ци Чжу официально получил титул, он был одет в скромный, но торжественный траурный наряд. В то же время он увидел в зале заседаний ещё одну фигуру.

Сяо Яньюэ и командир Стражи Врат Цянь стояли во главе военных. Сяо Яньюэ был одет в

платье цвета лунного света с вышитыми бабочками, его волосы украшали изящные нефритовые и жемчужные заколки, а на поясе висел меч с рукоятью из белого нефрита. Его лицо было спокойным и невозмутимым.

Церемониймейстер громко зачитал указ о передаче титула Ци Чжу, и тот, поклонившись императору, сидящему на троне, принял указ.

С этого дня он стал полноправным маркизом.

Император слегка кивнул. Он знал, что у маркиза Сянькуня был только один законный сын, да и тот пережил немало трудностей в жизни, едва не потеряв её в прошлом. Согласно старым традициям, он должен был повысить Ци Чжу в должности.

<http://bllate.org/book/16247/1461118>